СЛОВО

О невещественности души человѣческой и изъ оной происходящемъ ея безсмертіи.

на
ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННЫЙ И ВСЕРАДОСТНЫЙ ДЕНЬ
РОЖДЕНІЯ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЯ,
ДЕРЖАВНѢЙШІЯ,
ВЕЛИКІЯ ГОСУДАРЫНИ
ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢЕВНЫ,
ИМПЕРАТРИЦЫ
И
САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ,
ГОВОРЕННОЕ
ВЪ
ПУБЛИЧНОМЪ
Императорскаго Московскаго Университета
СОБРАНІИ
ДМИТРІЕМЪ АНИЧКОВЫМЪ.
Логики и Метафизики Публичнымъ Ординарнымъ Профессоромъ, обѣихъ Гимназій Инспекторомъ и Вольнаго Россійскаго Собранія, при томъ же Университетѣ, Членомъ.

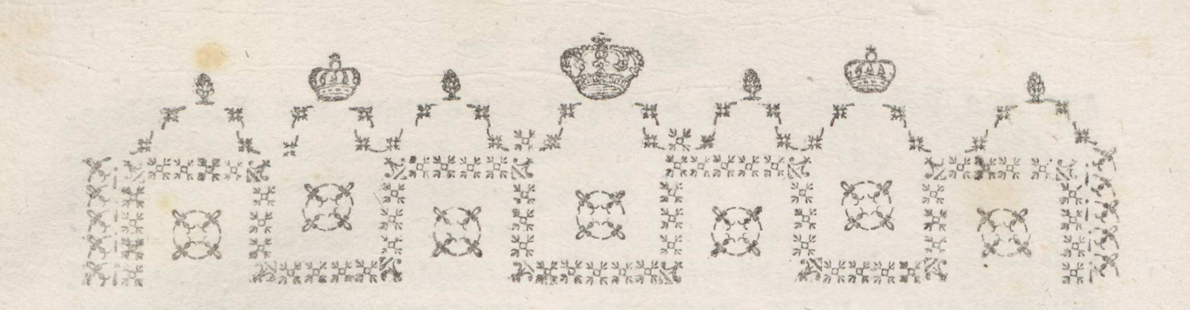
Апрѣля 22 дня 1777 года.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Два вопроса изъ всѣхъ труднѣйшими почитаются, одинъ о душѣ, а другій о Богѣ. Первый производитъ въ насъ то, чтобы мы знали самихъ себя, а другій научаетъ насъ тому, чтобы мы разумѣли свое начало. Оный для насъ сладчайшій, а сей любезнѣйшій. Оный творитъ насъ достойными блаженной жизни, а сей содѣловаетъ блаженными.

С. Августинъ кн. 2. гл. 18. о порядкѣ.

Сколь непостижимъ въ совѣтѣхъ своихъ, сколь премудръ въ дѣлѣхъ своихъ, сколь дивенъ въ своихъ опредѣленіяхъ и сколь милосердъ въ исполненіи своей святѣйшей воли Всемогущій сего міра Творецъ П. С. того по истиннѣ понять умомъ своимъ и довольнѣйшими словами изобразить хотя никто изъ насъ и не въ состояніи; однако всѣ мы удостовѣрены въ томъ, что онъ все на пользу нашу устрояетъ, что въ непостижимыхъ своихъ совѣтахъ ни предопредѣляетъ; онъ все производитъ къ нашему благополучію, что въ дивныхъ своихъ опредѣленіяхъ ни намѣреваетъ; онъ все къ достиженію желаемаго нами конца ниспосылаетъ, что ни благоволитъ святѣйшая его воля; отъ него намъ на конецъ, яко Благодѣтеля, промышляющаго о всѣхъ, всякій пресовершенный снисходитъ даръ. Для подтвержденія сей неоспоримой и ни какому сомнѣнію неподлежащей истинны, естьли возьмемъ въ примѣръ пространнѣйшую свѣта часть Россію: то ясно увидимъ, что на оной паче всѣхъ странъ земныхъ чудный промыслъ божій совершился и отмѣннѣйшаго его къ оной благоволенія залогъ оказанъ чрезъ ниспосланіе пресовершеннаго дара, Благочестивѣйшей, говорю, Великой и Премудрой ГОСУДАРЫНИ ЕКАТЕРИНЫ II, которой высокоторжественный и всерадостный день Рожденія вчерашняго

дня вся ЕЯ обширная имперія и съ оною всѣ ЕЯ вѣрноподданные рабы праздновали съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, а сего дня Императорскій Университетъ, въ знакъ достодолжнѣйшаго своего усердія къ Своей Прещедрой Покровительницѣ, празднуетъ свѣтло. И всеконечно, паки повторяю, пресовершенный божескій даръ и неложный отмѣннѣйшаго его къ намъ благоволенія залогъ есть Наша Всемилостивѣйшая ГОСУДАРЫНЯ. Ибо каждый полъ, каждый возрастъ, и каждое состояніе ЕЯ вѣрноподданныхъ рабовъ дѣйствительнымъ образомъ и съ изобиліемъ дознали и всегда дознаютъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Матернія къ себѣ милости и щедроты. ЕЮ благочестіе, на крѣпчайшихъ и неподвижнѣйшихъ основанное столпахъ, утверждаемое пребудетъ въ непоколебимости; ЕЮ правосудіе, новый видъ получивъ, въ извѣстныхъ ЕЯ Державы мѣстахъ съ успѣхомъ желаемымъ уже отправляется къ наивящшему благоденствію гражданъ; ЕЮ премудрые уставы не токмо намъ причиняющіе, но и для потомковъ нашихъ составляющіе блаженство, и въ коихъ вездѣ милость съ истинною встрѣтаются и правда съ миромъ облобызаются, для благополучія грядущихъ родовъ утверждаются на непоколебимомъ основаніи, лихоимствожъ и корыстолюбіе, яко нѣкоторая пагубнѣйшая зараза, искореняются и истребляются до основанія во всѣхъ предѣлахъ Россійскихъ; ЕЮ науки и художества на высочайшій степень возведенныя и высочайшимъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА покровительствомъ ободренныя возрастаютъ и процвѣтаютъ во множайшихъ пространнѣйшія ЕЯ имперіи мѣстахъ; ЕЮ намъ тишина желанная и покой доставленъ вожделѣнный; ЕЮ мы на конецъ на верьхъ блаженства возводимся и пребудемъ благополучны, по оному ЕЯ Матернему желанію, чтобъ видѣть народъ „ „Россійскій столь щастливымъ и довольнымъ, сколь

„далеко

„ далеко человѣческое щастїе и довольствїе можетъ на „ сей землѝ простиратыся. „ Словомъ, всѣ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА предпрїятїя и намѣренїя премудры, всѣ ЕЯ дѣла велики, славны и громки по вселеннѣй, всѣ ЕЯ добродѣтели несравненны и всѣ ЕЯ Матернїя объ насъ попеченїя благоуспѣшны.

И какъ всѣ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА намъ оказанныя и оказываемыя благодѣянїя подробно исчислить не моихъ силъ и дарованїй дѣло есть, то я оставивъ сїе другимъ способнѣйшимъ и превосходнѣйшїй витїйства даръ имѣющимъ проповѣдывать велегласнѣе, съ Вашего П. С. дозволенїя, при семъ знаменитомъ торжествѣ, музами празднуемомъ, краткое имѣю предложить мое разсужденїе *о невещественности душѝ человѣческой и изъ оной происходящемъ ея безсмертїи.*

Разныя разныхъ, въ древности процвѣтавшихъ, Философовъ мнѣнїя были о душѣ человѣческой П. С. Одни изъ нихъ говорили: мы хотя согласны въ томъ и вѣримъ тому, что есть въ насъ душа, по власти которой движемся, далѣе поступаемъ и обратно возвращаемся; но не можемъ точно объяснить того, что такое есть душа, оная самовластная повелительница наша и госпожа? Другїе утверждали, что нѣтъ никакой душѝ, поелику весьма трудно узнавать душу самоюжъ душею и производить понятїе объ ней чрезъ неежъ самую. (1) Иныежъ совсѣмъ отмѣнное противъ сихъ имѣя понятїе о душѣ человѣческой и не вѣроятно великое между собою производя несогласїе, многїе совсѣмъ не приличныя мнѣнїя объ оной объясняли въ своихъ сочиненїяхъ. Но какъ вся сила и способность позна-

(1) Такого мнѣнїя былъ Аристоксенъ. См. Cic. Tuscul. Quaest. pag. 87.

познанія вещей проистекаетъ и зависитъ отъ души, яко главнѣйшаго источника своего, то по тому и заблужденіе, естьли какое противъ оной случается, или случится, по истиннѣ наиопаснѣйшимъ изъ всѣхъ почитается и должно почитаемо быть; поелику онымъ истребляется естественное благочестіе и очевиднѣйшій добродѣтельнымъ нравамъ вредъ причиняется. По чему и мы во удовольствіе своего любопытства, хотя и имѣемъ намѣреніе разсмотрѣть разныя ихъ мнѣнія; однако поступимъ при томъ съ осторожностію и предложимъ токмо тѣ, которыя дальнѣйшаго заблужденія въ себѣ не заключаютъ.

И вопервыхъ, по свидѣтельству Цицеронову, Демокритъ, Зенонъ и Левциппъ понимали, что душа есть нѣчто изъ легчайшихъ и круглыхъ несѣкомыхъ частицъ вожженное; Діогенъ же и Анаксагоръ называли ея воздухомъ; а Иппократъ, Эмпедоклъ и Дицеархъ почитали ея существомъ, изъ всѣхъ стихій составленнымъ. Другіежъ на противъ того изъ нихъ приписывали душѣ человѣческой природу чистѣйшую и благороднѣйшую. Какъ-то Пиѳагоръ и Платонъ называли ея числомъ, само себя движущимъ, а Алкмей утверждалъ, что душа человѣческая есть нѣчто движущееся и такое, которое безсмертно и подобно небеснымъ движущимся и безсмертнымъ. (2) Аристотель же хотя и свидѣтельствуетъ, что совсѣмъ не возможно, или весьма трудно имѣть нѣкоторое понятіе о природѣ душевной; однако называетъ ея, что она есть первое дѣйствіе Физическаго органическаго тѣла, во власти жизнь имѣющаго. И хотя сей славный Перипатетикъ чрезъ сказанныя слова и не изъявляетъ точно того, что душа есть или суще-

(2) Плутар. кн. 4. гл. 2. de Placit. Philos.

существо, или случайная принадлежность, или тѣло, или духъ; однако въ одномъ своемъ сочиненіи справедливо умствующими называетъ тѣхъ, кои утверждаютъ, что ни душа безъ тѣла, ни тѣло безъ души быть не можетъ. Изъ чего явствуетъ, что всѣ древнихъ Философовъ о душѣ человѣческой мнѣнія точно суть двоякаго рода, то есть, одни изъ нихъ почитаютъ ея вещественною, а другіе хотя и понимаютъ ея невещественною и безплотною; токмо яснаго понятія о сущности и природѣ ея не изъявляютъ.

Чтожъ принадлежитъ до новѣйшихъ Философовъ, то изъ оныхъ нѣкоторые, по причинѣ своего послѣдованія то сему, то другому мнѣнію древнихъ, или *Монистами* (Monistae,) или *Матеріалистами* (Materialistae) обыкновенно называются. Первые изъ нихъ получили свое наименованіе отъ Грескаго слова μόνος (Единъ), по тому что допускаютъ они въ натурѣ вещей бытіе одного токмо существа и оное почитаютъ или вещественнымъ, откуда и Матеріалистами, или, хотя душу человѣческую и почитаютъ невещественною; но дѣйствительное міра сего и тѣлъ, въ немъ находящихся, бытіе опровергаютъ, допуская токмо идеальное, или въ умѣ представляющееся, *Идеалистами* (Idealistae) (3) назва-

(3) До такого безумія всеконечно довела ихъ трудность оная, что они не могли понять сложеніе, или составленіе сложнаго существа. Ибо, такъ они думали, естьли есть тѣло, то должны допущены быть малѣйшія части, составляющія оное. Сіи части при соединеніи въ цѣломъ ли своемъ видѣ и составѣ имѣютъ взаимное между собою прикосновеніе, или токмо отъ части? Естьли первое: то непремѣнно соединяющіяся между собою части должны совокупиться въ одну точку; по чему и не можетъ составлено быть тѣло. Естьлижъ тѣ части нѣкоторымъ токмо образомъ имѣютъ между собою прикосновеніе при совокупленіи; то малѣйшія части будутъ состоять изъ другихъ частей, что самое заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. И для того происхожденіе тѣла изъ такихъ частей Идеалисты почитаютъ не возможнымъ, и по тому опровергаютъ бытіе тѣлъ.

названы. Съ сими также сходствуютъ собственно такъ называемые *Эгоисты* (Egoiſtae) (4). *Дуалистами жъ* (Dualiſtae) на противъ того именуются тѣ, кои допускаютъ бытiе двухъ существъ, одного вещественнаго, а другаго невещественнаго: и сiи послѣднiе по мнѣнiю одного ученаго мужа (5) лучшихъ качествъ Философами должны почитаемы быть, по тому что они не по одному токмо тщеславiю, но и по напряженiю силъ душевныхъ мудрствуютъ. Вещественность души старался защищать Гоббезiй съ Толандомъ, Ковардомъ и другими Матерiалистами, изъ коихъ нѣкоторые такъ же утверждали, яко бы событiе мыслей въ душѣ человѣческой бываетъ чрезъ движенiе тѣлъ (6). *Эгоисмъ* же, по свидѣтельству Волфiеву (7) въ не давныхъ временахъ защищалъ въ Парижѣ нѣкто изъ послѣдователей Малебраншевыхъ; да и самъ Малебраншъ согласнымъ съ мнѣнiемъ своего послѣдователя оказался чрезъ явное свое подтвержденiе слѣдующаго: *до сихъ поръ еще не учинено, да и не можетъ учинено быть доказательство дѣйствительнаго и настоящаго тѣлъ бытiя.*

Не удивительно П. С. что древнiе Философы толико не основательное о природѣ душевной имѣли понятiе, поелику всѣ они болѣе предразсужденiями разнаго рода будучи заражены, во тьмѣ невѣжества утопали; и по тому отъ истинной вѣры единожды отступивъ, отъ предводительства разума своего и естественнаго просвѣщенiя весьма далеко уклонялись. Сожалительно

---

(4) То есть, такiе люди, которые думаютъ, яко бы одна токмо ихъ душа имѣетъ бытiе, а прочiя вещи, которыя они понимаютъ, суть одни только представленiя душевныя, дѣйствительнаго бытiя совсѣмъ не имѣющiя.

(5) Cl. Fort. a Brix. Met. p. 2. Diſp. 1. Sect 1. §. 4.

(6) P Herman. Oſterrieder. Metaph. pag. 699. Buddeus Philoſ. Theoret. P. 1. c. 5. §. 28. nullam inuoluere contradictionem ſtatuit, quo minus Deus producere poſſit Subſtantiam cogitantem. Vid. Winkler. Metaph pag. 433. Item Cantz. Metaph. pag. 782. §. 955.

(7) Pſych. rat. Sect. 1. Cap. 1. §. 15.

тельно только о томъ, что и въ нынѣшнія просвѣщеннѣйшія времена толикожъ слѣпотствующіе находятся умы людей, кои бытіе разумной души совсѣмъ уничтожаютъ и человѣка нечто иное быть не основательно утверждаютъ, какъ самую настоящую махину и такую, въ которой, яко бы посредствомъ жизненныхъ духовъ, дѣйствуетъ одно токмо порядочное расположеніе орудій тѣлесныхъ, оказывая согласное другъ другу соотвѣтствіе.

Но кто открываетъ сокровенныя вещи? Кто изыскиваетъ удивленія достойныя изобрѣтенія? Кто безпредѣльные голоса человѣческаго звуки знаками буквъ ограничилъ? Кто неукротимыхъ звѣрей претворяетъ въ кроткихъ агнцовъ? Кто многія и различныя употребляетъ средства, служащія къ премѣненію состоянія въ лучшее? Кто измѣряетъ глубину морскую и теченіе свѣтилъ небесныхъ опредѣляетъ? Кто способною къ плодородію дѣлаетъ землю и въ надлежащее время угобзивъ ниву, посѣваетъ на оной сѣмена? Кто знаетъ различать добро отъ зла и обратно? Кто на конецъ, дивному міра сего строенію и совершенному въ ономъ наблюдаемому порядку удивляясь, можетъ прославлять премудраго его Творца и ему, яко Благодѣтелю всяческихъ, воздавать достойную и подобающую честь со благоговѣніемъ? Всеконечно разумъ свыше влїянный въ человѣка, или онымъ одаренная его душа. И когда толикія и такія знанія понимаетъ душа, когда она мыслями своими объемлетъ всю вселенную, когда она такъ порядочно разсуждаетъ о настоящемъ и когда она на конецъ во всегдашнемъ упражняется размышленіи; то не можно думать, чтобы она была какое сложное существо, подобное махинѣ и подлежащее совершенному разрушенію и истлѣнію. Да

и кто видалъ, чтобъ изъ вещей, въ натурѣ находящихся, была хотя одна такая, которая бы имѣла толикую силу разсужденія и помышленія, столько бы могла разумѣть настоящее, разсуждать о прошедшемъ и предвидѣть будущее, сколько понимаетъ, разсуждаетъ и умствуетъ душа? По истиннѣ нѣтъ, не бывало и не будетъ никогда ни одной такой вещи. Почему особенная нѣкоторая природа и сила души нашей есть и совсѣмъ отмѣнная отъ всѣхъ естественныхъ вещей; слѣдовательно, какъ утверждаетъ Римскій Ораторъ, душа человѣческая съ небесъ есть и отъ Бога: поелику и самаго Бога не инако мы понимаемъ и не другимъ какимъ Существомъ представляемъ его себѣ, какъ духомъ безплотнымъ, пресовершенную и свободнѣйшую имѣющимъ волю, чуждымъ всякаго, тлѣнію подлежащаго, смѣшенія, Всевѣдущимъ и все приводящимъ въ движеніе. Сходственныя также съ нимъ мысли о душѣ имѣлъ и Киръ старшій, когда онъ, при самомъ издыханіи своемъ находясь, выговорилъ къ своимъ дѣтямъ слѣдующія словà: *Любезныя дѣти!* „ Не „ думайте обо мнѣ того, что я по разлученіи съ вами „ буду *нигдѣ*, или *ничто*. Ибо вы и въ то время, „ когда я съ вами находился, не видали моей души; „ но разумѣли изъ моихъ дѣйствій, что она въ семъ „ моемъ тѣлѣ находится. Вѣрьтежъ, что она та же „ самая есть, которая теперь выходитъ изъ моего „ тѣла, хотя при самомъ исхожденіи и ни какой не „ увидите. „

Равнымъ образомъ и мы присудствіе души въ насъ самихъ признавая то чрезъ свѣденіе о себѣ самыхъ и дѣйствій нашихъ, то чрезъ понятіе вещей, внѣ насъ находящихся, то на конецъ чрезъ многоразличное разныхъ, какъ вещественныхъ, такъ и невещественныхъ

ныхъ вещей желанiе и отвращенiе, можемъ сказать, что душа наша есть не что иное, какъ такое начало, помощiю котораго человѣкъ мыслитъ, познаетъ истинну, желаетъ добра и о своихъ понятiяхъ и желанiяхъ имѣетъ свѣденiе; называется при томъ разумною для того, поелику она узнаетъ послѣдующее, видитъ начала и причины вещей и оныхъ продолженiя и послѣдованiя, сравниваетъ подобiя и принаравливаетъ оныя къ настоящимъ вещамъ и присовокупляетъ къ тому будущiя. Изъ чего явствуетъ, что душа человѣческая не есть, какъ нѣкоторые утверждаютъ, могущество, или сила разумѣнiя и помышленiя, но есть самое сущее разумѣющее. Въ такомъ смыслѣ весьма пристойно и называется она сущимъ, или существомъ, внутрь насъ обитающимъ, о самомъ себѣ и о другихъ вещахъ, внѣ его находящихся, имѣющимъ свѣденiе, себя самаго отъ другихъ вещей и самыя вещи между собою различающимъ. Въ разсужденiижъ свойствъ своихъ, разумная душа по справедливости отъ нѣкоторыхъ обыкновенно именуется существомъ сотворенным, безплотнымъ и по власти Всемогущаго Творца опредѣленнымъ для сопряженiя съ органическимъ тѣломъ. И тако разумная душа чрезъ сiе, что она есть безплотная, сходствуетъ съ Богомъ и Ангелами, чрезъ тожъ, что она есть сотворенное существо, отъ Бога, а потомъ на конецъ чрезъ то, что она опредѣлена для сопряженiя съ тѣломъ, и отъ Ангеловъ различествуетъ.

А что душа человѣческая есть сущее безплотное, или невещественное, имѣющее совсѣмъ отмѣнную отъ тѣла сущность, сiе понять можно изъ того, что она различными, противными и противорѣчивыми въ разсужденiи тѣла одарена свойствами, изъ сравненiя

коихъ различныхъ двухъ существъ между собою по справедливости выводимъ слѣдствіе и о различіи ихъ сущностей. На пр. понимая тѣло, яко сущее точно страдательное и дѣйствія ни какого само чрезъ себя не имѣющее; ибо естьли бы оно было сущее, само себя движущее, то бы не можно было показать причины, для чего одна часть тѣла меньше, нежели другая сама чрезъ себя движется, заключаемъ, что душа есть сущее одаренное внутреннимъ дѣйствіемъ, въ чемъ всякъ удостовѣренъ чрезъ внутреннія свои чувства и собственную совѣсть. Также тѣло, поелику есть сущее точно страдательное, не имѣетъ ни чувствованія, ни помышленія, что все приличествуетъ нашей душѣ, по внутреннему всякаго въ томъ удостовѣренію. Гоббезіевожъ и Спинозино мнѣніе, хотя они и утверждаютъ, что изъ обращеннаго тѣла движенія, то есть, изъ противодѣйствія однихъ частей онаго противъ другихъ и можно вывести чувствованіе и помышленіе, совсѣмъ не основательно. Ибо въ сходственность такого ихъ мнѣнія можно было бы утверждать, что и огонь чувствуетъ и помышляетъ. При томъ тѣло есть сущее твердое и такое, что въ томъ же мѣстѣ, гдѣ оно само находится, другимъ тѣламъ помѣститься не допускаетъ. На противъ же того духъ сквозь всѣ тѣла проходитъ; по тому и утверждаемъ, что душа отъ тѣла имѣетъ существенное различіе. На конецъ, тѣло есть сущее, дѣлимое на части, и каждая его малѣйшая часть также дѣлимая на самыя малѣйшія, токмо не до безконечности. На противъ того душа наша есть сущее простое и такое, которое на части дѣлиться не можетъ, но токмо имѣетъ свѣденіе о себѣ самомъ. Словомъ: изъ идеи тѣла ни коимъ образомъ не могутъ выведены быть свойства души человѣческой. Ибо изъ вещества, состоящаго изъ частицъ,

сколь

сколь ни тончайшихъ, какимъ образомъ ни ограниченныхъ, какую скорость, или медленность въ движенiи ни имѣющихъ, нижѐ на́чала простѣйшаго помышленiя, или какого разумѣнiя, или свободной воли вывести не можно, и особливо по тому, что всякое понятiе изъ единства и невещественности подлежащаго понимающаго проистекаетъ.

Славный Стошъ, (8) слѣдующими доводами: для чего мысли душевныя малолѣтныхъ и престарѣлыхъ людей не столько могущественны суть, какъ тѣхъ, кои имѣютъ среднiя лѣта? Для чего болѣзнь въ великое замѣшательство можетъ приводить умъ человѣческiй? Для чего волнованiе страстей душа не въ силахъ бываетъ укротить? Для чего въ одно время способнѣйшими и проворнѣйшими бываемъ къ размышленiю, нежели въ другое время? Для чего и спящiе мыслимъ, или видимъ сны? Для чего по остановленiи на время обращенiя жидкостей, или влажностей внутреннихъ, остановляются и помышленiя, по возвращенiи жъ онаго обращенiя начинаетъ паки мыслить человѣкъ? Для чего на конецъ одинъ другаго бываетъ разумнѣе? Хотя усердно и старается доказать, что душа человѣческая не что иное есть, какъ искусное расположенiе жидкихъ и твердыхъ мозговыхъ частей; но Стошевы доводы не души вещественность, но только то доказываютъ, что душа человѣческая во многихъ своихъ дѣйствiяхъ требуетъ исправно расположенныхъ орудiй тѣлесныхъ и надлежащимъ образомъ растворенныхъ влажностей, по недостаточеству которыхъ и дѣйствiй своихъ оказывать не можетъ; поелику душа человѣческая по опредѣленiю божiю толико неразрывное съ тѣломъ имѣетъ

(8) In M. S. de concordia raticnis et fidei.

етѣ сопряженiе, что чрезъ посредство онаго всѣ вещи, внѣ себя находящiяся, понимаетъ.

Правда, хотя мы по нынѣшнему состоянiю нашего житiя и по неразрывному сопряженiю души своей съ тѣломъ и понимаемъ сущее вещественное, или тѣло, которое гораздо извѣстнѣе намъ, яко чувствамъ нашимъ подверженное; однако помощiю отвлеченiя, собственной способности душевной, можемъ понимать и невещественное существо, на пр. душу свою, не приписывая сей того, чему подвержено первое. Ибо самымъ опытомъ будучи удостовѣрены мы въ томъ, что тѣло есть существо, имѣющее по своей натурѣ протяженiе, дѣлимое на части, по тому что всякое протяженiе состоитъ изъ многихъ частей, между собою соединенныхъ, имѣющее предѣлы своего протяженiя, или фигуру, движущееся и покоящееся, какъ въ Физикѣ обстоятельнѣе и подробнѣе о томъ изъясняется, утверждаемъ помощiю разума, что душа, какъ невещественное существо и ни мало несходствующее съ тѣломъ, не должно имѣть вышепомянутыхъ качествъ и свойствъ, приличествующихъ тѣлу; по тому и говоримъ: что душа есть духъ, и такое существо, которое по своей сущности не имѣетъ протяженiя, не дѣлится на части, и не одарено такими свойствами, которыя бы чрезъ величину, фигуру и движенiе изъяснялись.

Хотяжъ невещественной душѣ человѣческой и приписывается нѣкое движенiе, токмо оное не что иное есть, какъ единое помышленiе, которымъ она безчисленные предметы, то есть, представляемыя себѣ вещи многоразличныя понимаетъ, и будто написуетъ и написанныя хранитъ, яко въ неисчерпаемыхъ нѣкiихъ

сокро-

сокровищахъ, и когда хочетъ, производитъ оныя въ неудобовѣроятной скорости, съ чудеснымъ и несказаннымъ благочиніемъ безъ всякаго помѣшательства. Потомъ представленные и изображенные образы, или виды вещей, соединяетъ съ другими и изъ соединенія оныхъ новые и странные выводитъ. Но всего удивительнѣе, что она о всѣхъ своихъ таковыхъ помышленіяхъ имѣетъ свѣденіе, испытуетъ потомъ еще оныя, и испытавъ довольно и разсмотрѣвъ, утверждаетъ, или опровергаетъ безъ всякихъ другихъ доводовъ, будучи удостовѣрена о справедливости того своего испытанія однимъ своимъ внутреннѣйшимъ помышленіемъ, то есть, сама въ себѣ всему тому свидѣтелемъ бываетъ, паче всякаго другаго свидѣтеля, достовѣрнѣйшимъ. Въ мозгужъ человѣческомъ, сколь прилѣжно ни будешь разсматривать расположеніе онаго, и хотя Анатомическимъ, или Химическимъ образомъ раздѣлишь части онаго; однако не найдешь ни малѣйшаго слѣда толь дивныхъ дѣйствій, которыя бы отъ него происходили и сходствовали съ душевными дѣйствіями.

Равнымъ образомъ и другая, такъ бы сказать, составительная души человѣческой часть, то есть, свободная воля, не только всѣми ума человѣческаго дѣйствіями, но и самымъ тѣломъ обладаетъ, приводя орудія онаго по своему произволенію во всякое надлежащее движеніе, и о таковой власти ея сами мы извѣстны бываемъ безъ всякаго сомнѣнія чрезъ обратное помышленія нашего дѣйствіе. Однакожъ таковой верьховной власти воли нашей иногда разумъ, яко первѣйшая души человѣческой способность, установляетъ мѣру и предѣлы. А хотя и случается когда той волѣ преступить сіи предписанные ей отъ разума предѣлы; токмо такое ея безмѣріе усматриваемъ тотчасъ

чрезъ

чрезъ обращеніе тогожъ своего ума, что самое называется *совѣстію* (conſcientia). По усмотреніижъ такого высокомѣрія воли нашей, тѣмъ же дѣйствіемъ ума преклоняемъ оную къ прекращенію, или премѣненію той необузданной власти. И что такое преклоненіе, или увѣщаніе возымѣло свою силу, познаемъ сіе изъ того, когда въ самомъ стремленіи удерживаемся отъ предпріятій нашихъ, худымъ противимся обычаямъ и оные весьма ненавидимъ. Въ сихъ и симъ подобныхъ дѣйствіяхъ непрестанно упражняющаяся душа человѣческая никогда не можетъ утрудиться и въ безсиліе притти, но всегда бодрственною и не утомимою пребываетъ, что самое всякъ, самъ по себѣ разсуждая, безъ всякаго затрудненія и прекословія дозналъ и дознаетъ ежедневно.

Сіи-то всѣ дѣйствія души человѣческой П. С. не иное что суть, какъ одно помышленіе отвлечительное, то есть, такая душевная сила, помощію которой производитъ она понятія о вещахъ безтѣлесныхъ, соединяетъ и раздѣляетъ обстоятельно качества понимаемыхъ вещей, изыскиваетъ причины качествъ, разумѣетъ уравненіе и соразмѣримость количествъ, изъ особенныхъ понятій производитъ всеобщія и къ извѣстному своему концу не принужденно, но добровольно, съ избраніемъ средствъ, управляетъ всѣ свои дѣйствія. Особливожъ такое качество, единственно приличествующее душѣ, можетъ ясно и вразумительно всѣмъ и каждому быть чрезъ то, что всѣ ея свойства изъ сего единаго источника проистекаютъ, на пр. понимаетъ ли когда что чувствами своими человѣкъ, тогда помышляетъ; разумѣетъ ли онъ когда что, тогда помышляетъ и желаетъ ли онъ на конецъ когда чего, или отвращается, тогда помышляетъ.

А что душа наша самою вещію понимаетъ предметы, чувствамъ нашимъ подверженные, на пр. теплоту, стужу, за́пахъ, свѣтъ, звукъ, твердость, мягкость и проч. также не подверженные чувствамъ, то есть: Бога, добродѣтели, первыя нача́ла, Геометрическія истинны и различныя свойства, въ предметахъ чувствуемыхъ непосредственно находящіяся, сіе познае́мъ изъ того, что тѣ вещи, которыя производятъ въ насъ чувствованіе, суть такого свойства, что оныя въ нашемъ мозгу, гдѣ разумная душа, по мнѣнію многихъ разумнѣйшихъ Философовъ, обита́я, производитъ свои помышленія, возбуждаютъ нѣкоторое движеніе и чрезъ то въ душѣ производятъ вниманіе. Поелику оное движеніе, чрезъ стремленіе чувствуемой вещи будучи возбужденное, сперва сообщается тѣмъ тоненькимъ волокнамъ чувственныхъ жилъ, которыя, по мнѣнію Анатомиковъ, изъ внутреннѣйшаго мозгу существа распростираясь, къ наружнымъ нашего тѣла частямъ прилѣпляются, отъ которыхъ пото́мъ оное движеніе непосредственно переносится къ мозгу и внутреннѣйшему онаго существу; слѣдовательно и душѣ, тамо обитающей, сообщаются. Не подверженныяжъ чувствамъ вещи хотя не возбуждаютъ и не могутъ возбудить такого движенія въ чувственныхъ орудіяхъ; однако понимаетъ оныя душа, разсуждаетъ объ оныхъ и производитъ свои умствованія чрезъ посредство чувствуемыхъ, употребивъ къ тому въ помощь собственное и единственно себѣ принадлежащее дѣйствіе отвлеченія. Какъ-то на пр. изъ тварей, многоразличнымъ перемѣнамъ подвергающихся, имѣющихъ зависимость отъ другихъ, производимъ понятіе о Творцѣ, яко верьховнѣйшемъ Существѣ, ни отъ кого не зависящимъ и ни малѣйшей перемѣнѣ не подвергающимся, но во всѣхъ вся дѣйствующимъ премудро. И по тому

помышленіе нашей души, отъ чувственныхъ вещей въ мозгу возбужденное, формально не состоитъ въ извѣстномъ нѣкоторомъ движеніи самаго тончайшаго и движущагося существа, нижѐ зависитъ оное отъ какихъ либо Механическихъ дѣйствій тѣлъ, какъ Матеріалисты думали. Въ доказательство сего разсмотримъ только три дѣйствія ума нашего, то есть, понятіе, разсужденіе и умствованіе, то увидимъ, что ни одно изъ сихъ дѣйствій не зависитъ отъ нѣкотораго движенія тончайшихъ существъ, или тѣлъ.

Правда, что мы чрезъ первое дѣйствіе ума своего хотя и производимъ понятіе о такихъ вещахъ, которыхъ виды въ чувственныхъ нашихъ орудіяхъ возбужденные и переносятся къ мозгу, чрезъ посредство нѣкотораго причиняемаго въ ономъ движенія; однако второе дѣйствіе тогожъ нашего ума, то есть, разсужденіе наше ни коимъ образомъ не собывается и не можетъ собываться чрезъ помянутое движеніе. Ибо когда умъ нашъ о чемъ нибудь подтвердительно разсуждаетъ, тогда двѣ идеи вмѣстѣ соединяетъ: и естьли бы разсужденіе не что иное было, какъ извѣстное нѣкоторое движеніе самыхъ малѣйшихъ и тончайшихъ тѣлъ, то бы оно формально состояло въ соединеніи такихъ движеній, въ которыхъ идеи подлежащаго и сказуемаго заключаются. Но какъ иная есть идея подлежащаго и иная сказуемаго, то бы и движеніе тѣхъ самыхъ малѣйшихъ тѣлъ иное долженствовало быть для идеи подлежащаго и иное для идеи сказуемаго, и такъ бы въ подтвердительномъ разсужденіи вмѣстѣ соединяться долженствовали тончайшія тѣла̀, различное между собою имѣющія движеніе; а какъ сему статься не возможно, чтобы оныя тѣла̀ не получили

новаго

новаго въ движенiи определенiя, то есть, другаго и совсѣмъ противъ прежняго отмѣннаго движенiя; слѣдовательно чрезъ составленiе разсужденiя подтвердительнаго совсѣмъ бы исчезли оныя тѣлъ движенiя, чрезъ которыя подлежащее и сказуемое прежде того изображались. Извѣстножъ, что идеи подлежащаго и сказуемаго ни коимъ образомъ при составленiи разсужденiя не уничтожаются, то и подтвердительное разсужденiе не бываетъ чрезъ соединенiе такихъ тончайшихъ тѣлъ, которыя бы по разнымъ опредѣленiямъ имѣли движенiе въ нашемъ мозгу.

Чтожъ принадлежитъ до третьяго дѣйствiя ума нашего, то и о событiи сего не можно и не должно понимать такимъ образомъ, яко бы и для произведенiя онаго два различныя тѣлъ движенiя вмѣстѣ соединялись съ третьимъ, совсѣмъ отъ двухъ отмѣннымъ, и изъ сего соединенiя происходило совокупленiе оныхъ двухъ движенiй между собою безъ всякаго замѣшательства и перемѣны въ опредѣленiяхъ. Поелику и въ такомъ случаѣ непремѣнно бы оныя самыя малѣйшiя тѣла имѣли двоякое движенiе, изъ которыхъ бы одно изображало другое прямо, а другое означало первое постороннимъ образомъ. Но какъ сiе весьма противно законамъ движенiя, въ Физикѣ объясняемымъ, то и умствованiе душй нашей не можетъ зависѣть отъ различнаго движенiя тончайшихъ тѣлъ. По чему и мнѣнiе Гоббезiево, состоящее въ томъ, яко бы помышленiя разумной нашей душй собывались отъ одного дѣйствiя и противодѣйствiя мозговыхъ частицъ, не основательно. Ибо душа наша оказывая различныя ума своего дѣйствiя, производитъ оныя безъ всякаго вспомоществованiя, получаемаго отъ движенiя тончайшихъ тѣлъ, но по своей внутренней и собственной

 силѣ

силѣ, по своей волѣ, безъ всякаго внѣшняго принужденія ко всякому роду помышленій сама себя добровольно опредѣляетъ. При томъ сила движенія вещественныхъ существъ помалу ослабѣваетъ, да и совсѣмъ исчезаетъ; силажъ помышленія разумной души чѣмъ о множайшихъ вещахъ производится и чрезъ то въ своемъ дѣйствіи упражняется, тѣмъ сильнѣйшею становится и умножается. Также могущество вещественное всегда получаетъ поврежденіе отъ такого предмета, котораго впечатлѣніе въ немъ сильнѣйшее было, на пр. никогда мы не можемъ смотрѣть на солнечныя лучи, въ полномъ сіяніи простирающіяся до нашихъ глазъ, безъ поврежденія орудія зрѣнія; въ могуществѣжъ разумѣнія душевнаго противное сему всегда примѣчаемъ. Ибо, чѣмъ высочайшее и яснѣйшее о какой вещи имѣемъ познаніе, тѣмъ могущество разумѣнія нашего совершеннѣйшимъ дѣлается. На конецъ такая есть скорость мыслей нашихъ и помышленій, какая никогда еще не примѣчена и не примѣчается въ могуществахъ вещественныхъ. Ибо мы часто мыслями своими до самыхъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ доходимъ, иногдажъ и выше облаковъ возлетаемъ; однако на прежнее свое мѣсто паки возвращаемся, не имѣвъ нигдѣ остановки и замедленія, что все ясно доказываетъ невещественность нашей души.

Подобнымъ образомъ желаніе и отвращеніе наше къ вещамъ не токмо плотскимъ, но и къ безплотнымъ простирающееся, доказываетъ невещественность души нашей. На пр. хотя истинну, правосудіе, Бога и проч. никогда мы не понимаемъ своими чувствами; однако любимъ и почитаемъ. Не имѣемъ также отвращенія и отъ такихъ вещей, которыя, въ отношеніи къ чувствамъ нашимъ, презрѣнія паче, нежели любви достойными кажутся. Какую, на пр. составляетъ

етъ пріятность въ глазахъ твоихъ юноша, самъ собою будучи прекрасный, да неистовый умомъ и своими дѣлами мерзостный? Всеконечно погнушаешся такимъ человѣкомъ, да для чегожъ? Для того ли, что онъ глазамъ твоимъ представляется гнуснымъ? Никакъ. Онъ стройностію тѣла своего, порядочнымъ расположеніемъ членовъ онаго, однимъ словомъ: онъ красотою своею прельщаетъ твои глаза; однако, какъ скоро услышишь объ немъ, что онъ не стерпимый за свои злодѣянія въ обществѣ человѣкъ, тотчасъ внутренно начинаешь ненавидѣть его, гнушатся имъ, презирать его и духомъ своимъ удалятся отъ него. На противъ того, когда видишь престарѣлаго человѣка, согнувшагося, всего въ морщинахъ и мало движенія имѣющаго, прельщаетъ ли тогда твое зрѣніе такой гнусный предметъ? Ни мало. Какъ же скоро услышишь объ немъ, что онъ добродѣтельный человѣкъ, многія и великія услуги показавшій своему отечеству старикъ, тотчасъ пріемлешь его въ свои объятія, лобызаешь его и всякое ему воздаешь почтеніе. Изъ чего явствуетъ, что разумная наша душа не токмо къ вещественнымъ, но и къ невещественнымъ вещамъ имѣетъ склонность непринужденную, но самопроизвольную. То есть, сама она себя опредѣляетъ къ честнымъ и безчестнымъ дѣйствіямъ, желанія и надежду простираетъ за границы всѣхъ временъ; воспаленная желаніемъ къ вѣчному благополучію, гнушается всѣми земными услажденіями; благороднымъ духомъ презираетъ плотскія сладострастія; попираетъ съ презрѣніемъ временную честь и всегда стремится къ достиженію невещественнаго и верьховнаго блага. По чему и сама не можетъ почитатся вещественною. Ибо въ противномъ случаѣ имѣла бы она склонность токмо къ чувствуемому, настоящему и вещественному добру, а о чест-

 ности,

ности, какъ о невещественномъ предметѣ, никакого бы попеченія не имѣла, и всѣ свои дѣйствія производила по подобію безсловесныхъ скотовъ.

Но естьли скажетъ кто, для чего душа, яко невещественная и по тому не имѣющая никакого сходства и уравненія съ тѣломъ, сопрягается съ симъ? „Для того изъясняетъ сіе Цицеронъ, (9) безсмертные Боги въ тѣла человѣческія всѣяли души, что „бы находились такіе люди, которые бы, смотря на „землю, разными испещренную цвѣтами, удивлялись „премудрости Создателя ея, и взирая на непремѣняемый порядокъ свѣтилъ небесныхъ, подражали тому „образомъ своего житія и постоянствомъ.„ Изрядное по истиннѣ такое Римскаго Оратора изъясненіе и точно сходственное съ истинною. Ибо въ противномъ случаѣ сія премудро учрежденная громада и само собою славное дѣло, міръ сей, говорю, всякой бы славы лишался, естьлибы нѣкоторыя твари не были одарены и украшены такою способностію, чтобъ могли видѣть въономъ находящіяся совершенства, и учинившись причастниками оныхъ, хвалить и прославлять преблагаго Создателя. По чему премудрый Творецъ, поелику онъ есть пресовершенная любовь, которая по своему естеству не можетъ не сообщать себя съ другими, разныя твари и вопервыхъ человѣковъ по образу и по подобію своему сотворилъ съ тѣмъ, дабы они наслаждаясь благими міра сего, возводили умъ свой къ сотворившему все на пользу ихъ. Ибо, кто разумѣетъ превосходную разума божія силу? Развѣ тотъ, кто подобнымъ же одаренъ разумомъ. Кто можетъ понимать пресовершенную и никакими предѣлами не ограничен-

(9) De Sen. Cap. 21. pag. 285.

ниченную волю его? РазвѢ тотЪ, кто подобнуюжЪ к своему ограниченному естеству приличную имѢетЪ способность. Кто правосудіе его, кто благость его и кто на конецЪ неизреченную милость его чувствовать можетЪ? РазвѢ тотЪ, кто подобноюжЪ одаренЪ силою чувствовать все то и пользоваться онымЪ. ИзЪ чего явствуетЪ, что БогЪ, созидая людей, яко свидѢтелей и провозвѢстниковЪ своихЪ совершенствЪ, всю природу ихЪ по оному, какому пресовершенная любовь его быть благоволила, сотворилЪ намѢренію. Ибо онЪ вопервыхЪ одарилЪ ихЪ разумомЪ, дабы они могли проникать вЪ союзЪ причинЪ и дѢйствЪ, подробно разбирать порядки средствЪ и концевЪ и усматривать сокровища безконечныхЪ и вѢчныхЪ благЪ, скрывающихся вЪ оныхЪ; на конецЪ оживотворилЪ онЪ ихЪ волею, чтобЪ они могли хотѢть и желать оныхЪ причинЪ благополучія, которое вѢчно пребывать имѢетЪ, и даровалЪ имЪ довольныя силы, чтобЪ они вЪ состояніи были дойти до употребленія оныхЪ благихЪ и оттуда получить себѢ непремѢнную пользу. СловомЪ: одарилЪ онЪ ихЪ такою свободою, по которой они, когда видятЪ множайшіе способы, служащіе кЪ совершенію дѢла, и усматриваютЪ, что имѢютЪ на то довольныя силы; то избравЪ лучшіе изЪ оныхЪ, исполняютЪ свое намѢреніе и получаютЪ жалаемый конецЪ чрезЪ посредство оныхЪ.

ВсѢ сіи свойства, ежедневно примѢчаемыя вЪ людяхЪ, не ясно ли доказываютЪ, что мы отЪ премудраго и преблагаго Бога одарены такою разумною душею, которая никакой вещественности, тѢламЪ приличествующей, не имѢетЪ, яко отЪ Бога дарованная и ему самому равноподобная. Сіежъ самое уразумѢвЪ и АполлонЪ, называлЪ души человѢческія божественными и утверждалЪ во всякой своей

своей рѣчи, что души разлучившіяся съ тѣломъ выходятъ на небо, яко оттуда пришедшія. По чему и приказаніе его, чтобъ *знать самого себя*, не въ томъ заключалось, чтобъ знать члены тѣла, составъ оныхъ и фигуру, но всеконечно приказывалъ онъ знать душу; поелику тѣло есть безчувственное существо и какъ бы сосудъ токмо нѣкоторый, или вмѣстилище душй; и когда кто тебѣ что говоритъ, то онъ говоритъ не тѣлу твоему, да тебѣ, яко разумною душею одаренному и помощію оной понимающему сказанныя тебѣ слова.

Естьлижъ спроситъ кто меня, какова моя душа и гдѣ она находится? То я могу отвѣтствовать ему слѣдующее: хотя мы ни мѣста, гдѣ Богъ, ни фигуры, какую онъ имѣетъ, и не знаемъ и не видимъ; однако познаемъ его изъ дѣйствій его: равнымъ образомъ и о душѣ своей, хотя ни мѣста, въ какомъ она обитаетъ, ни начертанія, какое она имѣетъ, не знаемъ и не видимъ, изъ ея дѣйствій заключаемъ, что она есть безъ всякаго смѣшенія, простая, недѣлимая на части, не исчезающая, но пребывающая вѣчно, яко отъ Бога дарованная.

Сократъ, несомнѣнное имѣя упованіе въ томъ, что и его душа, какъ и прочихъ людей, также безсмертная, не искалъ защитниковъ, которые бы своими стараніями могли оправдать его на судѣ, не искалъ также и милости въ судіяхъ, кои бы по самой справедливости разобравъ дѣло, могли свободить его отъ казни; но употребивъ свободное упорство, отъ великодушія единаго и отъ вкорененнаго мнѣнія о безсмертіи душй, а не отъ гордости происходящее, за нѣсколько дней до смерти, хотя и могъ онъ убѣжать изъ тюрьмы; однако не восхотѣлъ учинить того, но въ самый тотъ

часъ,

часъ, когда ужѐ держалъ онъ въ рукахъ своихъ смертоноснымъ ядомъ наполненный сосудъ, какъ бы не на смерть влекомый, но на небо представляясь восходящимъ, слѣдующія къ предстоящимъ выговорилъ слова̀: „ „ двѣ доро́ги для душъ, разлучающихся съ тѣломъ; тѣ „ ду́ши, кои гнусными пороками оскверняли себя въ „ жизни сей, въ сластолюбіяхъ провождали дни живота „ своего и отечеству своему чрезъ какія либо ухищренія причиняли пагубу и злодѣйство, пойдутъ по той „ дорогѣ, которая весьма далеко и въ другую сторону „ отведетъ ихъ отъ того мѣста, гдѣ обитаютъ без- „ смертные Боги. На противъ же того тѣ ду́ши, кото- „ рыя добродѣтельную и цѣломудренную провождали „ жизнь и никакими пороками себя не оскверняли, но „ будучи въ тѣлахъ, подражали житію нескверному, „ прямо впущены будутъ въ селенія Боговъ безсмерт- „ ныхъ, яко отъ нихъ самыхъ произшедшія. „

Славномужъ Платону, Академической Секты основателю, (10) природа душевная столь превосходною показалась, что онъ, не принявъ въ разсужденіе свойствъ существа не обходимо нужнаго, имѣлъ такое понятіе объ оной, что она не токмо конца, но нижѐ нача́ла не имѣетъ, утверждаясь на слѣдующихъ доводахъ: „ „ что всегда движется, то вѣчное есть; и одно токмо то, что самого себя приводитъ въ движеніе, не „ только никогда не перестаетъ движенія имѣть, но и „ въ разсужденіи прочихъ движущихся вещей, источникомъ и началомъ движенія почитается; нача́ложъ не „ имѣетъ происхожденія, по тому что отъ нача́ла все „ происходитъ; по чему и о душѣ должно то же понимать, какъ о такомъ существѣ, которое само себя при- „ водитъ въ движеніе, то есть, имѣетъ такую силу,

(10) Quaest. Tuscul. lib. 1.

„ что для помышленія своего не требуетъ внѣшней си-„лы и побужденія, но сама въ себѣ причину дѣйство-„ванія и помышленія заключаетъ. (11) А что само се-„бя приводитъ въ движеніе, то вѣчное, или безсмерт-„ное есть.

Изрядное также даетъ наставленіе о безсмертіи душй человѣческой и Цицеронъ: „ ибо, говоритъ онъ, „(12) не найдешь никакого происхожденія душъ здѣсь на „землй, поелику въ оныхъ не обрѣтается никакого „такого смѣшенія, которое бы изъ земли, воды, возду-„ха и огня состояло; при томъ ни одной изъ есте-„ственныхъ вещей не находится такой, которая бы „имѣла силу памяти, разсужденія и помышленія, то „есть, помнила бы прошедшее, предвидѣла будущее и „разсуждала о настоящемъ; поелику всѣ сіи свойства, „яко единственно божественныя, не отъ естествен-„ныхъ вещей, или отъ другаго чего нибудь ниспосы-„лаются человѣку, но токмо отъ Бога. Слѣдовательно „природа душевная есть нѣкоторая особенная и со-„всѣмъ отдѣленная отъ всѣхъ извѣстныхъ естествен-„ныхъ вещей. Такимъ образомъ, что чувствуетъ, что „мудрствуетъ, что желаетъ и что бодрствуетъ всегда, „все то небесное и божественное есть, и по той причи-„нѣ непремѣнно вѣчное.

Лукрецій же, послѣдуя мнѣнію Эпикурову, опровергаетъ безсмертіе душй, и что она, также какъ и тѣло, подлежитъ истлѣнію, слѣдующими утверждаетъ доводами: душа, говоритъ онъ, растетъ, усиливается, старѣетъ и изнемогаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Ибо она съ начала возраста человѣческаго ничего, или почти мало

(11) Quinctil. in Institut. orat. lib. 5. cap. 14.
(12) Lib. de Consolat. cap. 27.

мало разумѢетъ; но по прошествіи нѢсколькихъ лѢтъ ничинаетъ разумѢть. Душа, также какъ и тѢло, немоществуетъ, на пр. въ піянствѢ разсужденіе мятется и душевныя ослабѢваютъ силы. Душа, такъ же какъ и тѢло, врачуется; по чему въ то время или что нибудь прибавляется къ душѢ, или что нибудь убавляется у оной. Наконецъ, естьли бы безсмертныя были человѢческія души, то бы никто изъ умирающихъ людей не отвращался смерти, но всякъ бы, имѢя нѢкоторое того безсмертія предчувствованіе, радовался болѢе о томъ, что онъ въ лучшую преселяется жизнь.

Но на всѢ сіи *Лукреціевы* противоположенія можно отвѢтствовать слѢдующимъ образомъ: душа съ первыхъ лѢтъ человѢческаго возраста ничего, или почти мало разсуждаетъ о вещахъ для того только, что она тогда никакихъ, или не много еще изображенныхъ въ мозгу видовъ находитъ; по прошествіижъ времени совершеннѢе ужѐ начинаетъ разсуждать о вещахъ, по тому что тогда и множайшія и яснѢйшія въ мозгу обрѢтаетъ изображенія. А что подъ старость душа мало и не столь хорошо производитъ свои понятія, разсужденія и умствованія, сіе зависитъ отъ того, что виды изображенные въ мозгу или всѢ, или по крайней мѢрѢ нѢкоторые изъ нихъ заглаживаются и тѢмъ самымъ не дѢйствительными учинившись, то темными, то сбивчивыми представляются, а особливо орудія тѢлесныя, помощію которыхъ душа понимаетъ вещи, тогда въ слабость пришедшія, гораздо отмѢннѢе противъ прежняго дѢйствуютъ. По чему и причиною такой перемѢны, въ престарѢлыхъ людяхъ примѢчаемой, по большей части суть орудія тѢлесныя, а не тотъ, кто оными дѣйствуетъ и владѢетъ. Чтожъ принадлежитъ до стра-

стей душевныхъ, которыя яко бы собственныя были болѣзни душевныя, сіе также не справедливо. Ибо болѣзни, собственно такъ названныя, или показываютъ токмо то, что въ томъ существѣ, которое тѣми болѣзнями немоществуетъ, нѣкоторый уронъ, или ослабленіе силъ приключилось, или сами что нибудь такое тому существу причинили. Но ни то, ни другое въ такомъ существѣ, которое никакихъ частей не имѣетъ, никакой перемѣны произвести не можетъ. По чему страсти душевныя ничего больше не значатъ, какъ токмо то, что душа либо увеселеніе, либо скуку получила отъ воображеній такихъ вещей, которыя или совершенство, или несовершенство въ себѣ заключаютъ. Въ піянствѣ на пр. не сама душа, но мозгъ только причиною того бываетъ, что тогда разсужденіе наше всей своей надлежащей ясности лишается, поелику въ то время всѣ виды изображенные въ мозгу сдѣлаются помраченными, разсыпанными и безпорядочными. При томъ и то не правда, яко бы въ то время, когда мы употребляемъ лекарства, душѣ нашей что нибудь прибавлялось, или что нибудь у ней убавлялось. Ибо мы лечимъ одно только тѣло и поврежденные въ членахъ онаго соки чрезъ тѣ исправить стараемся. На пр. хотя и говоримъ о такомъ человѣкѣ, который имѣетъ не равные сапоги, что онъ хромаетъ; однако знаемъ, что причиною того одни только не равные его сапоги. Равнымъ образомъ и о душѣ должно понимать, что одни токмо орудія тѣлесныя бываютъ причиною того, что душа наша иногда непорядочныя оказываетъ дѣйствія. На конецъ и послѣднее Лукреціево противоположеніе, состоящее въ томъ, что умирающіе люди не отвращались бы смерти, естьли бы они знали, что души ихъ суть безсмертныя, также не заключаетъ въ себѣ великой важности, по тому что никто не видалъ

тако-

такого умирающаго человѣка, который бы въ самый тотъ часъ, когда душа его разлучается съ тѣломъ, въ состоянiи находился предстоящимъ при его одрѣ объявить то, что онъ знаетъ, куда и какимъ образомъ душа его выходитъ изъ тѣла и что потомъ сдѣлается съ нею? Когда при послѣднемъ издыханiи языкъ совсѣмъ нѣмѣетъ и орудiя тѣлесныя безъ всякаго движенiя бываютъ. Хотяжъ за нѣсколько времени предъ смертiю нѣкоторые и жалуются на оную, но сiе происходитъ отъ того, что настоящее обыкновенно привлекаетъ насъ къ себѣ болѣе, нежели будущее; и для того люди прилѣпившiеся столь страстно и слѣпо къ настоящимъ удовольствiямъ, не только въ семъ, но и во многихъ другихъ случаяхъ заблуждаютъ. И можетъ быть при послѣднемъ своемъ издыханiи люди не на то жалуются, что они разлучаются съ сими временными благими, но о томъ сѣтуютъ, что не такъ скоро преселяются въ вѣчную жизнь для наслажденiя вѣчными благими.

Кратко сказать: не только внутреннее состоянiе нашей душй и вышшая степень ея дѣйствiй доказываютъ ея возвышенною отъ всего тѣлеснаго и совсѣмъ непричастною смерти, но и наружное человѣческое состоянiе явно доказываетъ собою, что мы не вотще произведены на сей свѣтъ. На что бы на пр. установленiе порядка было между людьми? На что бы защищенiе и награжденiе добродѣтели, отвращенiе и наказанiе пороковъ? На что бы обязывающiя насъ естественныя должности? На что бы труды и достохвальные подвиги? На что бы порядочныя правленiя? На что бы попеченiя объ истинной славѣ? На что бы на конецъ вся сiя стройная, порядочная и безперерывная цѣпь взаимнаго между людьми одного къ другому отношенiя?

Ежели бы люди были такія бѣдныя твари, которыя бы, совершивъ назначенный жизни своей подвигъ, познавъ таинственнымъ природы вдохновеніемъ премудраго своего Творца и стремясь чрезъ всю свою жизнь къ предмету неограниченнаго и пресовершеннаго добра, наконецъ послѣ смерти погибли, исчезли и въ ничто обратились. Но какъ въ сей жизни никто того верьховнаго блага не находитъ и не получаетъ; то всеконечно оное сохраняется для насъ въ будущей жизни: по чему и душамъ нашимъ безъ сомнѣнія должно быть безсмертнымъ. Да и величеству божію противно сіе, чтобъ преславное его изъ всѣхъ тварей созданіе, то есть, разумная душа была столь несовершенна, что напослѣдокъ подвергалась обращенію въ ничто. Но естьли скажетъ кто, что человѣческія души, можетъ быть, останутся послѣ смерти въ безчувственномъ состояніи; то и сіе будетъ величайшимъ затмѣніемъ вышней божіей власти. Ибо естьли искусство смертнаго художника тѣмъ болѣе достойнымъ почитается, когда лучшая его работа, сколько возможно, бываетъ прочною; то кольми паче свойственно есть всемогуществу, благости и премудрости божіей созданныя имъ одушевленныя разумныя существа, какъ знатнѣйшія изъ всѣхъ его твореній, сохранить вѣчно въ ненарушимомъ состояніи.

Впрочемъ будетъ непремѣнно такое время, въ которое души наши свободившись отъ узъ, то есть, разрѣшившись отъ своего бреннаго тѣла, преселятся въ вѣчную жизнь, и тамо обстоятельнѣе познаютъ свое начало и происхожденіе, поелику тогда имѣютъ просвѣщены быть немерцающимъ свѣтомъ; узнавъ же блаженными почтутъ себя, что всѣхъ заботъ и попеченій свободившись, достигли до желаемаго предмета. Будутъ тогда яснѣйшія и подробнѣйшія обо

всемъ

всемъ понятія производить и узнаютъ, что онъ, яко почтеннѣйшія отъ всѣхъ тварей созданія сотворены были единственно для прославленія создавшаго ихъ.

Прославимъ убо всемогущаго Творца, что онъ по неизреченной къ намъ благости своей благоволилъ предпочесть насъ безсловеснымъ тварямъ, одаривъ насъ разумными душами. Прославимъ чудный его промыслъ, что онъ души наши, въ сихъ смертныхъ тѣлахъ обитающія, сохраняетъ къ безконечному послѣ смерти пребыванію съ тѣми блаженными душами, которыя отъ начала свѣта преселились и нынѣ преселяются въ вѣчныя обители и тамо нашего сообщества ожидаютъ. Прославимъ такожде отеческія его щедроты, оказанныя намъ чрезъ ниспосланіе Всемилостивѣйшей ГОСУДАРЫНИ, Высочайшими и несравненными своими щедротами ему самому подобящіяся. Принесемъ ему, яко Благодѣтелю всяческихъ, достодолжное благодареніе за сіе, что онъ и въ настоящее время сподобилъ насъ по долгу торжествовать благословенный имъ же самимъ и славный сей день, въ который Благочестивѣйшая и Всемилостивѣйшая САМОДЕРЖИЦА Наша, къ благополучію и украшенію нашихъ временъ и грядущихъ родовъ, въ первый разъ узрѣла свѣтъ. Пролiемъ къ нему, яко Хранителю и Покровителю нашему теплѣйшія и усерднѣйшія наши молитвы, да благоволитъ дражайшую жизнь Августѣйшей МОНАРХИНИ Нашей продолжить до позднѣйшихъ временъ, украшая и возвышая ЕЯ всякимъ щастіемъ и благопоспѣшествованіемъ, да благословитъ всѣ ЕЯ для насъ спасительныя предпріятія, да даруетъ все по сердцу ЕЯ и всѣ ЕЯ совѣты исполнитъ. Вознесемъ моленія наши къ престолу благодати преблагаго Бога, да соблюдаетъ подъ кровомъ своимъ Благовѣр-

наго Государя, Цесаревича и Великаго Князя *ПАВЛА ПЕТРОВИЧА* и Его Дражайшую Супругу, Благовѣрную Государыню и Великую Княгиню *МАРІЮ ѲЕО́ДОРОВНУ*, и благоволитъ, да дражайшая Ихъ жизнь въ непреткновенномъ теченіи достигнетъ до маститой старости. Усугубимъ на конецъ прошенія наши, да божественный промыслъ, хранящій благополучіе государствъ и странъ, сподобитъ насъ въ неукоснительномъ времени узрѣть благословенный плодъ отъ сихъ Свѣтлѣйшихъ Супруговъ произшедшій на возстановленіе въ Россіи племени *ПЕТРА* Великаго, почивающаго въ Бозѣ.

